

A woman in a white lace dress stands in a forest, her hands clasped in front of her. The background is a dense forest with sunlight filtering through the trees. The text is overlaid on the image in a white, elegant script font.

Олег Лукошин
Наше
счастье
украли цыгане

Роман

Олег Лукошин

**Наше счастье украли
цыгане. Роман**

«Издательские решения»

Лукошин О.

Наше счастье украли цыгане. Роман / О. Лукошин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852475-2

СССР, 1988-й год. Шестнадцатилетняя девочка Света приезжает на каникулы в деревню и погружается в жуткую историю с убийствами, поджогами, первым сексуальным опытом и разрывающей сознание мистикой... Ну, пошла массовочка!

ISBN 978-5-44-852475-2

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Кто мне невинность вернёт?	6
Вопиющее преступление будет раскрыто!	8
Особые приметы	10
Ориентиры будущего	11
О трепещущих членах	12
Воспоминания беспутной мамочки	13
Следствие начинается	15
Дискотека деревенская	16
Алёша	18
Кровосмесительная связь	21
Опознание прошло успешно	22
За песочком	24
Счастье цыганское	26
Так что там с мёртвым насильником?	27
Кино о запретной любви	31
Можно влюбляться	32
Девушка с колючими глазами	33
Плеть и ярость	35
Страна дураков	36
Здравствуй, доченька!	38
Воображаемое письмо матери	41
Купальник пригодился	42
Встреча у реки	43
Христианскому богу здесь не место	46
Равнодушный Создатель	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наше счастье украли цыгане

Роман

Олег Лукошин

Фотограф Dominik Martin

© Олег Лукошин, 2018

© Dominik Martin, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4485-2475-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто мне невинность вернёт?

Это история моих прегрешений. Моего погружения в соблазны. Я открываю занавес, чтобы избавиться от коварного тщеславия – оно всему виной. Мне кажется, я имею на это право...

Ну, пошла массовочка.

– Алла Пугачёва, «...счастья в личной жизни!» Очень характерное для нашей эстрады название, потому что в общественной счастья желать не принято. Там и так все счастливы. Подзаголовок: «Песни Игоря Николаева поёт Алла Пугачёва». Ленинградский завод грампластинок. «Это первая большая авторская пластинка молодого композитора Игоря Николаева. Она познакомит вас...» А-а, ладно! Предисловия не в счёт, хотя помню. Главное – песни.

Статные, симпатичные деревенские дома – зажиточно живут в Вешних Ключах – стремительно вывалились из-за поредевших разом деревьев. Раз – и вот они. Вон и дедовский. Седьмой или восьмой – помню, помню! Уже отсюда видно.

Притормозила. Так бежать не стоит, пожалуй. Правая брителька разорванными концами по телу хлестала – и спереди, и сзади. Словно порка. Так тебе, блудница, так! За что? Я ни в чём не виновата!

Коленки чёрные. Ну правильно, а как ещё должна выглядеть, если в лесу попалась? Личико, видать, такое же, но в зеркальце не смотрелась, хотя захватила. Оно в сумке. Та волочилась на вялой ладони по пыльной дороге.

– Да, песни. Сторона один. «Сто друзей», «Желаю счастья в личной жизни», «Паромщик», «Балет».

– Девынька, ты чья? – какая-то тётка пожилая. – Никак Бойченкова? К деду? Вот тому радость!

Ударение на «е» выдала. И лишний слог. Колхозница.

– Сторона два, – кивнула ей. – «Прости, поверь», «Балалайка», «Стеклянные цветы», «Две звезды».

– Упала что ли? – уже в спину.

Нет ответа. Не зли меня, женщина, в минуты ответственные!

И – обратили внимание? – ни единого сбоя.

Отлично! Концентрация превыше всего. Ни малейшего повода для воздействий извне. Ни шанса врагам. Так и одолею всех.

– По просьбам трудящихся исполняется песня «Две звезды». В небе-э полночном, небе-э весеннем...

Дедов дом открыт. Значит, на месте старик. К вечеру ждёт меня, встречать собирается, а я – вот она. Туточки.

Так задумано. Спланировано так.

– Па-адали две звезды-ы-ы...

Да дома ли? Здесь замки не вешают. Деревня, общинный уклад, доверие. Темно в сенях. Где тут выключатель? Вот этого не вспомню – три года не была. Впрочем, видно более-менее.

– Па-адали звё-о-зды с мя-а-хким свече-эньем...

Дверь в горницу пинком отворила. Переступила порог. Чумазая, измождённая, трахнутая. Падшая.

– В у-утренние са-ады-ы-ы... – пропела надрывно.

Дед за столом. В футболке, штанцах каких-то, ноги босые. Чаёвничает. Как раз усы утирал довольненько. Самовар, от которого даже с порога обдало жаром, варенье в блюдечке.

Напротив – молодуха. Лет сорока бабенция в глубоко и легкомысленно расстёгнутой блузочке. Полюбовница никак. Ну а что, ему ведь шестьдесят восемь всего. Или девять.

– Светка! – радостно выдал он, округляя глаза. – Вот так радость! А ты как рано так?

– Смотри, деда!

Рывком задрала подол платья. На трусах – кровавое пятно.

– Видишь? Отымели меня только что. Изнасиловали. В лесу. Двое. Автобус сломался на полдороги, все пешком пошли. Отстала от народа, да специально больше – воздухом, мол, подышу. Тут два парня из-за деревьев. Ля-ля, тополя. «Тороплюсь», говорю. Руки скрутили, утащили в чашу... Деда, делать ведь что-то надо! Как мне жить-то теперь с этим? Мне ж всего шестнадцать.

Побледневший Никита Владимирович поднялся на ноги, часто-часто заморгал увлажнившимися глазами, затем, словно обжёгшись, выронил из дрогнувших рук блюдечко. Оно торжественно ударилось о край стола, шмякнулось об пол, но даже после второго столкновения не разбилось. А разлетелось вдребезги с третьего, тихого и осторожного, этакого последыша, которое вроде и не предвещало несчастий. Дедова любовница в тот же миг следом вскочила.

– Так в милицию надо! – выкрикнула она. – Они найдут. Может... Господи, горе-то какое! – закрыла рот ладошкой.

Опять уселась.

– Найдут... – выдохнула я устало. – Что мне теперь с этого? Кто мне невинность вернёт?

Они молчали напряжённо. Растерянные. Шокированные. Да, эффект ещё тот.

– Ну, в милицию так в милицию, – молвила им.

Вопиющее преступление будет раскрыто!

Думала, в райцентр придётся ехать, там милиция настоящая и действенная, там цивилизация и закон, но оказалось, что и в селе пункт имеется. Ну правильно, центральная усадьба колхоза, почти тыща дворов.

– Стойте! – остановил нас дед на полпути. На лице – капельки пота. Взгляд тяжёлый, подавленный. – Не надо в милицию. Сам их найду. Здесь такого не утаишь, непременно узнаю. По-тихому разберусь. Кровью расплатятся за содеянное. А никто ничего и не узнает.

Дед – бывший мент. Милиционер то есть. Мент нехорошо говорить, хотя сейчас многие это слово употребляют. Даже по телевизору в неврастеничных и разоблачительных фильмах о правде жизни.

– Ты чего! Ты чего! – это тётя Марина в бок его тыкать взялась. Мы с ней наскоро успели познакомиться. Соседушка, через дом обитает. В Вешних Ключах недавно, откуда-то припорхала. Перелётная птица. Вдовушка. Ну и женщина дедова – определённно. – Сесть захотел? Как ты их найдёшь, так и тебя потом найдут. За убийство – вышка.

– Меня простит совецка власть! – шмыгнул носом дед и взмахнул рукой в отчаянии. – Не может не простить.

– Советская власть – за закон. Давай и мы всё по закону сделаем.

Тот молчал, Марина прихватила его за локоток. Я – за другой.

– И вправду, деда, – шепнула. – Надо по закону.

Он не сопротивлялся, а мы ласково, касаниями тихими утешая, вели его по улице.

– стыдоба... – скрипел он зубами. – Позор... Ну думал, что доживу до такого. Что же мать с тобой не поехала? Разве можно девчонке одной в дороге?!

– Ты не вздумай девку винить, – шептала Марина. – Ты так говоришь, словно на ней стыд. Чем она провинилась, чем? Любая на её месте могла оказаться.

Дед, словно неловко стало между баб, тесно и душно, освободился от наших тёплых объятий и расправил плечи.

– Ну идёмте, идёмте! – буркнул злобно.

Вроде недолго добирались – так показалось.

– Изнасилование? – приподнялся с места лейтенантик. Младший. Ну да – одна звёздочка на красной полосе – это младший. Если не путаю. – Вы уверены?

Не сдержалась – прыснула в кулак от прилива эмоций. Поспешила тут же убрать улыбку с уст алых.

Рыжий, веснушчатый. А глаза – симпатичные. Голубые, пронизательные. Детские, правда. Я бегу от детскости, стесняюсь её. Мне взрослости испить хочется – это глупость, знаю. Или, скорее, психологический комплекс. Но я своими комплексами дорожу, не то что некоторые – в них творческое суло и заряд к движению.

Интересно, у нас могло бы с ним получиться?

– Вот, – подвиг повторить хотела, задирая подол платья. И реакция лейтенантика была интересна – пусть возбудится и проклянет себя за мысли порочные. Но Марина, резкая такая, пригнулась и за край платья ухватилась. «Не надо, не надо», – шепнула. Пришлось подчиниться. – Всё порвали мне там. Ступить не могу. Детей уж, видимо, не придётся выносить. И это в шестнадцать!

– Шестнадцать! – воскликнул голубоглазый и веснушчатый лейтенантик. – Это серьёзно. Это предельно серьёзно. Это просто чрезвычайное происшествие. Пишите заявление! – указал он рукой на стул.

Ковыляя, села. Дед справа поддержал, тётя Марина – слева. Оба бледные, жалкие. Особенно дед. Тяжело Никите Владимировичу. Больно. Не укладывается это в его библиотеку впечатлений.

Он здесь же работал, участковым. Надо думать, в этом самом кабинетике располагался. И лейтенанта этого наверняка хорошо знает. Потому и не глядит сейчас на него. На пенсию ушёл капитаном. Были ли в его практике изнасилования?

– Игорь, – молвил дед хрипло. Глаз так и не поднимает. – Об одном лишь прошу: будь добр, сделай так, чтобы шума никакого не было. Ты же можешь, я уверен. Чтобы не терзали девку. Да и меня...

– Хорошо, – коротко кивнул тот. – Постараюсь. Хотя...

Продолжать не стал. Дед вопросов с просьбами тоже не озвучивал. Лишь вздохнул в очередной раз тяжко-претяжко. Ой, блин, жалко его!

– Уверяю вас! – торжественно заверил нас при прощании младший лейтенант милиции Игорь Кондаков, стаж работы в органах вместе со стажировкой четыре года (источник информации получен позже, не разглашается). – Уверяю вас, что это вопиющее преступление будет раскрыто! В кратчайшие сроки.

Это я домысливаю, конечно. Так пафосно он не говорил. Он лишь буркнул что-то коротко. Но смысл тот же.

Особые приметы

«Первый: лет восемнадцать – двадцать два. Рост около ста восьмидесяти. Был одет в тёмно-синие спортивные брюки с полосками на боках и жёлто-синюю футболку. На лице – небритость. Скорее, пушок. Глаза карие. Зубы неровные, туда-сюда смотрящие. Запомнилось это потому, что при совершении акта насилия пытался меня целовать. Особые приметы – крупная родинка на шее. С правой стороны.

Второй взрослее. Лет двадцать семь – тридцать. Был одет в серые брюки, голубую рубашку с коротким рукавом и неопределённого цвета спортивную кепку. Неопределённого – потому что запylённая и сальная. Предположительно, изначально была светло-серой. Вероятно, имеет залысины или плешь: кепка съезжала на затылок и мне бросилось в глаза отсутствие волос. Хотя не исключено, что просто коротко стрижен. Вёл себя особо агрессивно и цинично. Употреблял в огромных количествах нецензурные выражения и угрозы. Демонстрировал откидной нож, поднося его к моему горлу. В частности, угрожал зарезать и выпотрошить».

Ну, как-то так. Постаралась передать ярко и с чувством. Хоть и тщательно сдерживаемым. Понимаю, что витиеватостям здесь не место.

Припасу их для романа. Это же роман будет? Или повесть?

Ориентиры будущего

Стихи и проза. Больше проза. Чуть ли не с детского сада. Мне всего шестнадцать, а у меня уже две законченные повести и одиннадцать рассказов. Три публикации. Стихотворение и рассказ печатались в городской газете – «Ленинская правда». Ещё рассказ – внимание! – в самой «Пионерской правде». У неё тираж – десять миллионов. Как минимум десять миллионов человек, а скорее всего больше, погрузились в мой мир. В переливчатость моего сознания. Это крайне волнительно. Это будоражит.

Полтора месяца назад. Номер сорок четыре. На четвёртой полосе. «Запомните его таким», фантастический рассказ. Подпись: С. Бойченко. Это плохо, согласна. Почему бы не написать широко и понятно – СВЕТЛАНА БОЙЧЕНКО. А так даже никто и не понял, что я особь женского пола. Большинство наверняка решило, что это Сергей какой-нибудь.

Зато рисунок присутствует. Художник В. Зиганшин. Угол дома, а на крыше – непонятное существо. Вроде как тот самый инопланетянин, о котором идёт речь. Но догадаться трудно, потому что рисунок не ахти. Не исключено, что с большого бодуна накарябал его гражданин Зиганшин. Будь я редактором – не поставила. Рассказ заслуживал большего.

Впрочем, всё это нюансы. Издержки. Главное – суть. Она в том, что корабль отправился в путь по извилистым и стремительным потокам вдохновения. Большому кораблю – большое плавание.

Не знаю, почему стала писать.

Хотя нет, знаю. Но это циничное объяснение. Но ведь писатель – этот тот, кто разговаривает с самим собой без экивоков, так ведь? Кто не обманывает себя.

Чтобы оторваться от толпы. Чтобы возвыситься. Знаю, что я лучше и ярче многих. Лучше большинства. Меня ждёт большое будущее.

«Тот сумрачный день начался для Марии Бальтазар ровно так же, как львиная доля других не менее сумрачных и уж куда как более рутинных дней её жизни. Она проснулась на рассвете в придорожной гостинице «Серебряная подкова», наскоро перекусила имевшейся при себе скудной пищей путешественника, выбралась наружу и самой первой успела занять место в дилижансе захудалой компании «Доннер и сыновья», что вот уже третий год как испытывала серьёзные финансовые затруднения из-за постоянных налётов бандитских шаек и вот-вот собиралась закрыться. Не исключено, что сегодняшний рейс мог оказаться последним в её истории.

Вскоре в скрипучем и обшарпанном дилижансе стали размещаться новые пассажиры...»

Первая глава. Начала писать её тем же вечером в общей тетради зелёного цвета, которую привезла именно для этой цели. В первом часу ночи – дед уже приподнимался в постели и строго спрашивал, не пора ли на боковую – закончила. Получилось семь страниц. Неплохо.

Последний абзац, вот он:

«Ну а тот, что постарше, больше не издал ни слова. Он грубо повалил Марию на землю, разорвал на ней одежды, и когда тело девушки не скрывало более ни тряпицы, алчно припал к ней, вонзая в её нежное лоно свой огромный и трепещущий член. Белый свет помутился в глазах девушки».

В «Пионерской правде» вряд ли опубликуют, хи-хи.

О трепещущих членах

Я постоянно о них думаю. Должно быть, это нормально в моём возрасте, но сей факт всё же беспокоит меня. В том ли направлении ли я развиваюсь, правильно ли формируюсь?

Не счесть фантазий, в которых я представляю себя с набухшим членом во рту.

Не исключено, что я маленькая блядь.

В своё оправдание могу лишь сказать, что в подавляющем большинстве этих будоражающих видений я откусываю его и выплёвываю.

Воспоминания беспутной мамочки

Я вся в мать. Такая же беспутная. Такая же гордая и творческая натура. Она артистка в областном драмтеатре. Видели её в «Грозе»? Нет? Вы многое потеряли. Я так вот каждый раз плачу, когда она мечтательно произносит монолог Катерины: «Почему люди не летают?» И далее по тексту. Сто раз слышала – а всё равно плачу.

Она взлетела. Сумела. Ну, насколько это было возможно для деревенской девчонки без высокопоставленных родственников и связей. Поступала после школы в университет на филфак – срезалась. Через год в политехнический на финансовое отделение – опять баллов не хватило. Пришлось ещё на год в деревню возвращаться. Работала полеводом. Туда без образования берут. Отец с матерью говорили: «Ну и хватит. Ума нет – сиди дома». Утешали. И алчно алкали девичью энергию.

– Они же вампиры, – говорила она мне, взбудораженная, похорошевшая, расхаживая по квартире после спектаклей. – Настоящие энергетические вампиры. Я читала в одном умном журнале, такие существуют.

Верю. Бабку не помню, а дед определённо вампир. Сколько вот он из меня сегодня выпил кровушки. Пилил и пилил. Пилил и пилил. Был момент – хотела схватить сумку и смотаться на фиг. Обратное. Ему ведь не меня на самом деле жалко, а себя. Мнения окружающих боится. Ветеран Великой Отечественной, блин.

Ну ладно, так-то он нормальный. Успокоится.

На следующее лето мать подалась в театральный.

– Денег они мне не дали, губы скривили, руками махнули. Прокляли фактически. А я лишь сильнее стала!

Она поступила.

И на первом же курсе родила меня. Она никогда не сдерживалась на мой счёт и всегда давала понять, что ребёнок я нежелательный. Последний подарок ненавистной деревни.

– Не будь тебя, я бы уже играла во МХАТе! – произносила она гневно в мою сторону в те моменты, когда я, озорной ребёнок, заигрывалась, шалила и терпения на меня не хватало.

Позже стала произносить подобные реплики и в минуты спокойствия. Правда, я всегда ощущала в этих словах иронию. Она и присутствовала там. Всё же она любит меня. Не переубеждайте меня, дети всегда чувствуют это. Она и трёхэтажным матом может обложить, и пощёчину залепить, но истинных чувств за циничной маской не скрыть. Я нужна ей. Я делаю её жизнь менее страшной. Да что там, она бы просто не выдержала без меня.

Кто мой отец? Понятия не имею. И до определённого времени этот вопрос меня не интересовал.

Но в день своего шестнадцатилетия – а случился он четыре месяца назад – я прямо спросила её об этом.

– Кто?

Гости к тому времени разошлись, очередной любовник и почти сразу сожитель, двадцатичетырёхлетний актёр Серёжа Костылев (первый год в театре) спал мертвецки пьяным на диване, мы вдвоём убрали со стола посуду.

– Ого! – взглянула она на меня внимательнее. – Вот так, значит...

И, усаживаясь в кресло, закурила сигарету.

– Его звали Марком, это понятно, – продолжала давить я, чувствуя, что матери сейчас не отшутиться. – А как его фамилия, кем он работает? Что он вообще за человек?

Выпуская струйку дыма, провинциальная актриса усмехнулась.

– Марковна – ещё не значит, что отец твой был Марком. Отчество я дала тебе с умыслом. Чтобы жизнь легче сложилась. Может, второй Гурченко станешь. А как звали твоего отца – не знаю.

– Надежда, – я зову её по имени, ей это дико нравится, – сегодня ты должна рассказать мне об отце. Мне это нужно. Я заслуживаю это, в конце концов!

Она снова затянулась и снова элегантно, по-актёрски, выпустила дым из тонких, красивых и надменных губ. Далее последовал следующий рассказ:

– В последний год жизни в Ключах я гуляла с тремя парнями. Со всеми тремя имела интимную связь. Да, я никогда не сдерживала себя в сексуальном плане. Секс – это жизнь. Только обнимая мужчину и раздвигая перед ним ноги ощущаешь себя живой и цельной. Не сочти мои слова за совет, тебе ещё рано вступать в половую жизнь. Хотя я в твои годы...

– Ну так вот, их было трое. Кто именно започтал меня тобой – неизвестно. Это мог быть любой. Я всегда позволяла кончать в себя. Мужчинам это нравится, а презервативы, или там достать перед извержением – это извращение. Это не любовь, это не жизнь. Иногда мне кажется странным, как я могла при таких взглядах на половую жизнь забеременеть всего раз (это было неправдой, я знала, что только за последние три года она как минимум дважды делала аборт), но факт остаётся фактом. Должно быть, это божественное предопределение. Меня, как это ни ужасно, послал к тебе сам Господь Бог.

– Первого звали Сашей. Саша Елизаров. Хороший парень, знаешь ли. Механизатор. Высокий такой, крепко сбитый. По крайней мере в те годы. Надеюсь, в дальнейшем его судьба сложилась удачнее. В поле с ним работали. Там и валялись. Чаще всего.

– Второй – Егор. Пахомов его фамилия вроде бы. Тоже высокий. Блондинчик с голубыми глазами. Симпатыга. Интеллигентик. Учитель истории. Меня ещё в своё время учил. Но тогда у нас ничего не было, ты не подумай, я не такая – с учителем бы не стала. Это потом у нас началось. После кино домой меня любил провожать. Со всеми вытекающими, – она хмыкнула.

– Третий – Слава. Фамилия у него – Куркин. Одноклассник мой. Из армии его комиссовали – ступню оторвало. На гранате подорвался. Я с ним из жалости больше. Проведать заходила, поддержать. Морально и физически. Он в большой депрессии тогда был. Говорил, что повеситься хочет. Совершенно некрасивый. Веснушчатый, кривоватый какой-то. Невысокий, да. Насколько помню, девственности со мной лишился. Всерьёз его не воспринимала.

Все имена, названные матерью, я аккуратно записала в блокнотик.

– Ты чего это, деваха? – усмехнулась Надежда, взирая на меня с прищуром. – Неужели найти его хочешь?

– Представь себе, – отозвалась я язвительно, захлопывая блокнот. – И обязательно найду. Летом в деревню, на три месяца. Повезёшь меня?

– Больно надо! Если дед приедет за тобой – езжай. Хотя ты и сама уже в состоянии добраться. Делов-то – на автобус сесть.

Следствие начинается

– Елизаров – председатель наш колхозный, – ответил мне дед. – Александр Геннадьевич. Отличный мужик, прекрасно его знаю. Здорово с ним работали, во всём помогал. Хотя, скорее я ему. Совсем молодым в председатели его назначили, тридцати не было. Но верное решение. Ответственный, принципиальный. Настоящий коммунист, а не то что всякие там.

Он разжигал в саду костёр – первая лесная клубника и потёртый чан дожидались вовлечения в таинство приготовления варенья. Марина помогала. Она работала фельдшером в местном медицинском пункте, так что деду не только утеха на старости, но и практическая польза – давление там измерить или что ещё. При мне оставаться на ночь стеснялась.

– Пахомов – это не директор ли школы? – бросил на неё взгляд Никита Владимирович.

– Если Егор Валерьевич – то он. А есть ещё на том конце какие-то Пахомовы, но я их плохо знаю.

– Егор, Егор, – закивала я.

Двое есть.

– А Куркиных здесь полсела, – продолжал дед. – Тебя какой интересует?

– Вячеслав.

Он задумался.

– Да и Вячеслав не один.

– Одноклассник он мамин. Ногу ему в армии оторвало.

– А-а, этот! Ну знаю, знаю. Кооператор.

– Кооператор? – почему-то удивилась я. Хотя чего тут удивительного – полно их сейчас.

– Да, как это говорят... бизнес тут мутит. Бизнесом же это называется, правильно? На консервном заводе поначалу работал. Технологом вроде. А как Горбач отмашку дал – уволился. Тару для консервов стал производить. И позволили ведь ему... А ещё пасеку открыл – но это в другой деревне, Ольховке. Она тоже в наш колхоз входит. Там и живёт сейчас. Дом себе построил кирпичный. Никак идёт маржа кооператорская. Но так-то хороший парень, ничего против не скажу.

Чудно, просто чудно – варить варенье. Наблюдать, как вся эта ягодно-сахарная масса меняет цвет, как в ней вулканы бурлить начинают. Чудно прямо на свежем воздухе снимать с ложки пробу и, смеясь, отгонять насекомых.

– Нехорошие у меня предчувствия, Светлана! – сказал мне чуть позже дед. И посмотрел выразительно. – Догадываюсь, ради чего ты этот опрос затеяла. Сразу говорю: забудь! Ничего сейчас не выяснишь.

– Пойду в дом, – поднялась я с колен. – Переоденусь.

– И не вздумай идти куда! – гаркнул он мне в спину. – Дома сидеть будешь!

Ага, конечно!

Дискотека деревенская

Я зря задумала иронизировать – она ничем не отличается от городской. Из колонок несутся «Мираж» и «Сталкер», по стульям у стен группками сидит молодёжь. В центре зала танцуют три девчонки. Пятка – носик – топ-топ-топ. Изредка к ним присоединяется подвыпивший парень: подрыгавшись с полминуты в нарочито аляповатых па, он срывает аплодисменты таких же пьяненьких дружков и возвращается к ним на стулья. Либо же на улицу – отлить у крыльца.

Когда-нибудь я буду вспоминать о подобном с ностальгической усмешкой. Потому что стану известной писательницей, уеду на Запад, получу Нобелевскую премию, куплю дом у берега моря и буду жить в мире искусства, грёз и свободной любви.

– Зажила дырочка? – парень. Естественно, нетрезвый. Скалится во все зубы. – Не дрейфь, подруга, начинать когда-нибудь надо.

Подмигнул озорно и вызывающе.

Ну да, слава впереди меня бежит. Правильно, не думала же я, что после всего этого перемен не последует? Сейчас наступает новый виток детерминации, созревают новые вызовы.

(Заглянуть в словарь и вспомнить значение слово «детерминация»).

– Вот вы, молодой человек, – ответила, – отчаянно пытаетесь казаться подонком, но у вас это неважно получается. Я вижу по глазам, что вы далеко неглупый, живой и совершенно не потерянный для общества индивид. Просто на вас среда плохо влияет.

Это не высокомерие, я действительно так считаю.

При входе в клуб, в сенях, над дверью висит плакат, где огромными буквами писано: «В помещении не курить!» Но все курят именно здесь. Сигаретный дым сгущается и придаёт картинке психоделический сдвиг: реальность выглядит не проявленной, стёртой. В этом есть нечто будоражащее. Таинственное.

Тоже достала пачку сигарет. Вытащила одну.

– Девочки, прикурить не будет? – обратилась к троице, сидевшей поблизости.

Те поёжились. Что, и для девушек-сестёр я объект презрения?

– Да ладно, бросьте! Я не болею сифилисом, меня просто изнасиловали. Это почти то же самое, что секс с мужем. Действие по принуждению и отсутствие удовольствия. Вы это вскоре узнаете.

Все три одновременно подпёрли щёки ладонями и уставились в стороны. Понятно, на контакт не идут.

– Пожалуйста, красавица, пожалуйста! – услышала сбоку.

Усатый парень, вполне уже мужчина, с лёгкой учтивой улыбкой подносил ко мне горящую зажигалку. Я ткнулась в биение пламени сигаретой, затянулась и чуть не закашлялась. Опыта маловато, да. Надо было потренироваться.

– Отдохнуть, развеяться? – разглядывал он моё лицо. – И правильно. Вечерами здесь скучно. Присоединишься к нашей компании?

На стульях в углу сидели ещё четверо. Глаза осоловевшие, у одного в руках бутылка. Взгляды недобрые, но заинтересованные. Должно быть, они считают меня теперь лёгкой добычей. Один раз поймали – должна давать всем.

– Вы знаете, я здесь в первый раз, – постаралась улыбнуться. – Ещё не осмотрелась. А ещё сейчас ко мне придёт мой парень. Я вот здесь посижу лучше, посмотрю, послушаю. А останется время – непременно с вами пообщаюсь.

– Как знаешь, – провёл он ладонью по моей талии. – Созреешь – присоединяйся. Мы рядом.

Уселась на свободное место, которых здесь, слава богу, в избытке. Подальше от остальных. Быстро-быстро затянулась ещё два раза.

– Парень! – прошептал кто-то чрезвычайно громко в той самой компании с бутылкой, и она дружно исторгла в дымчатую психоделику помещения блудливое торнадо смеха.

Нет-нет, всё под контролем!

А вот и Боярского врубили! «Сяду в скорый по-езд, сяду в длинный по-езд но-о-очью соловьиною-у-у. Далеко отсю-уда убегу и скро-оюсь и навеки сги-ину я-а-а...» Нравится песня.

– Потанцуем?

Он стоял на фоне разноцветного пучка дискотечных ламп, они озаряли зал рассеянными вспышками, и лицо я поначалу не разглядела. То ли поняв это, то ли оттого, что сам видел меня плохо, он в следующую секунду отступил в сторону, и я разглядела парня лет семнадцати-восемнадцати с печальным взглядом зелёных глаз, таких вызывающе незащищённых, каких-то совершенно неместных. Два зуба смешно выглядывали из-под верхней губы, а на щеках ещё не потухли вспышки подростковой прыщавости – да, он не самое привлекательное, что встречалось мне в жизни. В довершение всего этот храбрец был одет в чрезвычайно непрезентабельную олимпийку, из-под которой выглядывала несвежая футболка, а на ногах значилось трико. Представляете, трико! Он в трико припёрся в общественное место! Даже тот хам, который про «дырку», и усач с сигаретой были одеты в брюки.

Но глаза...

– Сейчас будет медляк, – добавил он. – Я специально попросил.

Я безропотно встала, протянула руку и пошла вслед за ним на середину зала.

Зазвучала «Леди ин ред» Криса Де Бурга. Я положила руки ему на плечи, он обнял меня за талию, и почему-то разом замолчавшие деревенщины скопом уставились на нас двоих. Их взгляды обжигали. Мы оказались единственными танцующими.

Алёша

Вот мы кружимся по танцполу, песен сменилось множество и большинство из них вовсе не баллады, но мои руки всё ещё на его плечах, да и он свои не убирает.

Мы танцуем. Нам хорошо.

С каждой песней расстояние сокращается. Вот он уже сцепил ладони замком, и опустились они ниже – я ощущаю их пограничными районами ягодич. Вот я руками обвила его за шею, это так близко, что смотреть прямо нелегко – я поворачиваю голову в сторону и кладу ему на плечо.

Здесь пусто. Да, здесь определённо пусто. По крайней мере я не вижу ничего – там, за стеной света, которая окольцевала нас, сплошная тьма и отсутствие движений. Деревенские гопники растворились. Или вымерли. Им положено, будущее против.

– Ты симпатичный, – говорю я и провожу ладонью по его лицу. – Как тебя зовут?

– Алексей, – произносит он и дарит сонм искорок, они тут же отзываются жжением в груди.

– Алёша... Такое простое, глупое русское имя. Твои родители большие оригиналы. Впрочем, Света ничуть не лучше, так что не накладывай на себя руки.

– Это не жалость, не подумай, – отвечает он невпопад, но в следующее мгновение я понимаю, что вовсе не невпопад. Это он про наш танец, про то, как он выступил этаким Робин Гудом, приглашением своим наложив на меня покровительство и защиту. – Ты действительно мне нравишься. Я в нетерпении ждал тебя. Мне обещали твоё появление – а с ним изменения в жизни.

Он романтик и фантазёр – ценю подобные девиации.

– Я падшая, – шепчу я. – Шлюха. Меня поймали два парня, ты же слышал об этом.

– Мне пофигу. Это ничего не значит.

– Мне всего шестнадцать.

– Ну и что? Я не предлагаю тебе немедленного соития. Осенью мне в армию, я приду через два года – и тогда соединимся. Сыграем свадьбу, раз так положено на грешной Земле. В восемнадцать будет можно.

Тяжело признаться в этом, но план мне по душе.

– Жениться в семнадцать? Ты сошёл с ума! Забеременеть, превратиться в свиноматку, нарожать кучу поросят – не слишком ли печальная участь, кабальеро?

Он делает глаза широкими и выдаёт гримасу обеспокоенного понимания. Мил при этом до ужаса. Хочется потрепать его за щёки.

– Ты права! – выдаёт. – Я просто шучу.

Я усмехаюсь. После этих слов он нравится мне ещё больше. Много больше.

Вот мы уже на свежем воздухе. Ну да, это не клуб. Вот звёздное небо, вот обвевающий лицо ветерок, вот дерево, в которое я упираюсь спиной. Мы целуемся взапас, он просунул ладони под джинсы и гладит меня по попе. А я таки треплю его по щекам – сжимаю, сжимаю, сжимаю. У него синяки останутся.

Понимаю внезапно, что лечу в самую чёрную из пропастей. Потому что контроль потеряю. Я всегда себе говорила это, всю сознательную жизнь: в то самое мгновение, когда упустишь контроль, ты свалишься в самую чёрную из пропастей. И самую глубокую. Ничего нет важнее, чем управлять ситуацией.

– Подожди! – останавливаю его. – Я сейчас кое-что скажу, а ты просто послушай, как прилежный мальчик и не возражай. Это очень важно.

Он не спорит. Даже руки из моих штанов вытащил. Не убирай далеко, это не финал! Просто переосмысление момента.

Выбираю из отделений памяти тот, где залежи дисков. Выхватываю первый попавшийся. Рисунок на обложке весьма подходит: сексапильная девица с призывным взглядом и в старомодной шляпке, чуть ниже – два всадника, скачущие по берегу моря. Мужчина и женщина. Она в легкомысленном купальнике, а он в плавках.

– «Сама любовь», – я помню, я всё помню. – Песни Давида Тухманова поёт Яак Йоала. Апрельский ордена Ленина завод грампластинок. Сторона один. Там и на русском и на английском, но я процитирую только на русском, ладно? Хотя и на английском могу, но к чему это сейчас?

Алёша великодушно позволяет, смотрит хорошо. По-доброму.

– Сторона один. «Не забывай», «Предсказание», «Прощальный день».

– У меня тоже есть такая пластинка. Вторая сторона начинается с песни «Что-то было». Я закрываю ладонью его милый заячий ротик.

– Сторона два. «Что-то было», «Сама любовь», «Свадебные кони». Всего – шесть, потому что пластинка на 45 оборотов в минуту.

– Точно! А последняя – «Свадебные кони».

– По просьбам трудящихся исполняется песня Давида Тухманова на стихи Анатолия Поперечного «Свадебные кони».

Я откашливаюсь и начинаю:

– Гля-ань на куст сморо-одины о-облако легло-о-о. Почему в краю родно-ом дышится-а легко-о-о? А в лугах за па-асекой ме-эсяц на копне-э...

– Почему за пра-аздником е-э-э-дут на-а ко-о-оне-э-э? – подхватывает Алёша и какое-то время мы радостно, визгливо и так жизнерадостно смеёмся, что сами вдруг понимаем неуместность этой ночной радости.

А потом припев хором исполняем, чуть тише:

– Как сва-адебные кони несутся ветры вда-аль. Уйду как от пого-о-они я от тебя-а печ-а-аль...

Пытаемся остановиться, замолчать, но ещё несколько минут сладостно похрюкиваем от осознания меткого попадания в одну точку, в одну волну. Ещё не перестав хихикать, снова смыкаем губы и погружаемся в долгий поцелуй.

Походя, телеграфно, но надо заметить: вот так по-настоящему, долго, с языками я целуюсь первый раз в жизни. И у меня неплохо получается! Глупо, но от этой мысли на душе соловьи поют.

Те три предыдущих раза в счёт не идут. Во втором классе: Вадим Исханов – в пустом кабинете после уроков. Мы были дежурными и протирали подоконники с партами. Он не выдержал напряжения и решил, что совершает насилие, подбежав вот так ни с того ни с сего и повалив меня на парту. Ткнулся губами в лицо, лихорадочно сжал тогда ещё отсутствовавшую грудь и выбежал наружу. А я была готова на большее. Работу не сделал. На следующей день я его заложила – не про поцелуй, а про незавершённую уборку. В дневнике пацана появилась запись красной пастой.

В четвёртом классе...

А впрочем, не стоит их воспроизводить так подробно – похожих всё равно не было. Я о поцелуях.

Ты лучший, Алёша!

– Но на большее не рассчитывай! – постаралась передать эту мысль строго. – Никакого секса! У меня там...

– Так тебя на самом деле изнасиловали?

Вот те здарсьте-пожалуйста! Это что за сомнения такие, умник!?

– Хорошо, хорошо, – говорит он поспешно, заверяя меня в благонадёжности. – Ничего больше.

И кладёт ладони мне на грудь. Да, это уже не второй класс, они вполне округлые и нали-тые. Врать не буду – мне хорошо.

Однако его неожиданное и такое циничное замечание свербит в душе и вызывает лёгкий протест.

– Алёш, а как твоя фамилия? – спрашиваю я, отрываясь от его губ.

– Пахомов, – отвечает он.

– А отчество? – со мной лёгкая паника.

– Егорович.

Ну, блин, приехали!

– Так, молодой человек! – схватила я его за руки и оттолкнула от себя. – Что вы себе позволяете, в конце концов? Ну-ка, наххаузе! Мама-папа обрыдались уже, небось, в поисках. Да и меня дед заискался поди. Дед – бывший милиционер и охотник, у него винтовка.

И схватив сброшенный для услад бежевый пиджачок, который с матерью покупали специально на лето и сегодня его дебют, почесала вдоль по улице до дедовской хаты. Надеюсь, в правильном направлении.

– Женилка ещё не выросла! – обернулась и крикнула покинутому любовнику.

Хотелось плакать. От сожаления, от чего же ещё.

Кровосмесительная связь

«Смутные опасения терзали Марию всю ночь. Она вовсе не ожидала от себя такого. Лечь в постель практически с первым встречным – это был вызов всей её предыдущей благочестивой жизни. Оставалось лишь успокаивать себя тем обстоятельством, что с предыдущей жизнью она решительно и бесповоротно порвала.

И потом – все эти совпадения, что проскальзывали в его рассказах о своём отце и ушедшей из семьи матери... А самое главное – родимое пятно на правой ягодице, такое же как у неё.

Под утро она решила на нечто, чего ещё пару дней от себя никак бы не ожидала. Освободившись из-под объятий Алекса, Мария выскользнула из-под одеяла, сделала два шага к столику с резными ножками, на котором лежала походная сумка её случайного возлюбленного...

Первым же изъятым наружу документом оказалось рекомендательное письмо отца Алекса к некоему господину Дугласу, управляющему текстильной фабрикой в Бостоне. Под письмом значилась подпись: мистер Джозеф Пэмбл, школьный учитель.

Письмо бесшумно вывалилось из ослабевших рук Марии.

– Боже мой, что я наделала! – прошептала она. – Он мой брат... Господь покарает меня за этот грех».

А меня – нет. Потому что не Господь Бог, а здравый смысл отвёл от меня все грехи.

Впрочем, на ягодицы его стоило бы взглянуть. Это я маху дала. Взглянуть, спичкой подсветить – а потом уже убежать. Вдруг там действительно такое же родимое пятно?

Тридцать три и три десятых процента – вот какие шансы на совпадение. На то, что он мой брат. Не так уж и много.

Опознание прошло успешно

– Задержали!? – изумлёнными глазами смотрела я на милиционера.

Это Федя Маслов, старшина. Помощник младшего лейтенанта Кондакова во вверенном им для охраны безопасности граждан участке. Совсем молоденький, только-только из армии. Примчался на «УАЗике» как ошпаренный, ввалился в избу и заорал, что мне срочно надо собираться.

– Не только задержали, а и кокнули! – торжествующе объявил он. – Потому что тот применил вооружённое сопротивление. Игорь лично всадил в него две пули. Тебе надо опознать и подтвердить – да, этот.

– А вдруг не этот? – бормотнула я, отчаянно пытаюсь разобраться с мыслями и эмоциями.

– Ну, может и не этот... – печально согласился он. Но тут же взбодрился. – Теоретически. Но по описанию подходит стопроцентно. Лет восемнадцать – двадцать два. Рост около ста восьмидесяти. Одет в тёмно-синие спортивные брюки с полосками на боках и жёлто-синюю футболку. На лице – небритость. Глаза карие. Зубы неровные, в разные стороны смотрящие. Особые приметы – крупная родинка на шее. Правда не с правой, как у тебя в показаниях, а с левой стороны, но ты в суматохе насильственного акта могла и перепутать, так ведь? Короче, поехали быстрее!

– А дедушки нет дома! – моргала я и ехать не хотела.

– Да зачем нам твой дедушка!? Нам ты нужна!

– Я боюсь без него.

Хотя и не боялась. Просто дико и странно: как так нашли? Разве могли?

– Светлана! – вышел из себя Федя. – Ты с представителем власти говоришь! Все следственные мероприятия проводятся исключительно в твоих интересах. Я тебя туда и обратно отвезу. Безопасность гарантирую.

Ехали быстро. Не больше пяти минут – да и куда тут больше? По дороге Маслов как бы невзначай заметил, словно продолжая ранее сказанное:

– Только тебе самой о безопасности надо бы задуматься. С тобой такая трагедия произошла, а ты по клубам шляешься. Пляшешь там со всякими.

Ничего не утаишь в деревне. Вот едва захочешь здесь пожить – сразу расхочется. Никакой индивидуальной территории. Бешеный рентген со всех сторон.

– Он тебе не пара, – ещё добавил, уже после того, как заглушил мотор. – Лёша Пахомов – это придурок местный. У него с головой не в порядке. Поостереглась бы. У нас и нормальных ребят хватает.

Через дорогу, прямо напротив отделения, на корточках сидели два цыгана. Ну, я так решила, что они цыгане – черноволосые, одеты как-то нелепо. Сидели и грызли семечки. Один молодой, другой в возрасте – с бородой. Маслов бросил на них короткий, но выразительный взгляд, а они пристально и этак оценивающе вперились в меня. Я фыркнула про себя и отвернулась.

Ещё машина странная стояла – вроде милицейская, но какая-то хитрая. На ней надпись – «Лаборатория».

Необычайно нервный младший лейтенант Кондаков встретил меня на входе.

– Вот так, Бойченко Светлана, вот так! – произносил он скороговоркой. – Вот так милиция работает. Неотвратимость наказания – главное условие правосудия. Сам виноват, сам. Мало того, что на сексуальное насилие решился, так ещё и с пистолетом на милиционера бросился. Если бы не секция дзюдо, не стоял бы я сейчас перед тобой. Секция дзюдо – она спасла... Отобрал оружие и направил его на преступника. Ну а что оставалось? Сам-то безоружен был. Ну что, опознаешь?

Прошли с ним в подсобку, тело там. Лежит на трёх сдвинутых стульях. Никакой простыни, рот приоткрыт, выражение нелепое – тужится словно. В помещении дядька в милицеской форме и тётка в обыкновенной. Видимо, из райцентра. Она приятная – приобняла, улыбнулась.

– Не страшно? – спросила. – Сможешь?

Лет двадцать, верно. Спортивные брюки. Футболка. На ней два кровавых пятна – следы от выстрелов. И да – небритость. Щетина настоящая.

Я постояла, посмотрела, помялась. Причудливость момента душила и низвергала в водоворот иллюзорности. Но странное дело – ощущение потери контроля не явилось. Как раз таки наоборот – контроль ощущался полный.

Подумала и ляпнула:

– Он самый.

Кондаков тут же протянул протокол. Я подписалась.

– А второго мы скоро найдём, – заявил он мне на прощание. – Непременно найдём. Можешь не сомневаться.

Мы вышли с Масловым наружу, цыгане всё ещё на корточках. Взглянули на нас, поднялись и не спеша тронулись вдоль по улице.

За песочком

– Цыгане, да. Табором встали. Пару дней как.

Это Марина. Мы с ней в сельпо выпиливали. Торопились. Песок, видите ли, выбросили. Сахарный.

– Песок выбросили! Песок выбросили! Песок выбросили!

С этими воплями примчалась она к нам в дом. Если бы я не сделала успокаивающий жест – вот так вот, вытянутой правой рукой с открытой ладонью – она бы ещё раз пятнадцать эту фразу выкрикнула. Таким жестом режиссёр Касадзе, Георгий Автандилович, лауреат премии Ленинского комсомола за постановку спектакля «Пер Гюнт», своих актёров успокаивает. И мою мамочку в том числе. Ни слова не говорит – лишь руку вытягивает. И успокаиваются! Даже мамочка. Секреты Станиславского, понимать надо!

– Дед-то где?

– Ещё не вернулся. Отбыл по делам в райцентр. Вообще-то я думала, что он тебя отоваривать отправился, но выходит – действительно по делам. По каким – неизвестно.

– Света! Как тебе не стыдно?

– Да ладно.

– Песок ведь выкинули! Он ждал. Ему надо. Ягоды не простят.

– Ну нет его.

Марина долго не думала.

– Значит, так. Хватай сумку – и за мной. Деньги потом отдаст.

Я задумалась на секунду – покапризничать что ли? Я умею. Но схватила. Самой удивительно.

У сельпо уже очередь. Я бы даже конкретнее выразилась – очередь. Но Марина жутко обрадовалась, что мы всего какие-то двадцать пятые и радостно выдохнула:

– И народу нет почти. Ай да мы!

Да уж. Нет нам равных.

– По пять кило в руки! По пять кило в руки! – неслось из точки зарождения этой извилистой и бурлящей человеческой субстанции.

Торговали заезжие коробейники прямо на улице. Дородная баба в синем фартуке взвешивала фасованный песок на массивных весах, что были установлены на двух пустых ящиках. Худущий мужичок подтаскивал ей с машины – она красовалась облезлым задком в трёх метрах за её спиной – мешки.

– Ах, жаль, Никиты нет, – успела тут же и горечь изобразить тётя Марина. – Вы бы с ним десять взяли.

– Что там с цыганами-то? – я почему-то об этом продолжала спрашивать. – Балуют что ль?

Это я деревенский говор начинаю перенимать. Хитрость и простота в одном слове. Непосредственность и лукавство в одной фразе. Люблю тебя, мой русский язык. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах...

– Да нет, – Марина пожала плечами. – Они смиренные. Даже не воруют ничего. По домам ходят, вещи продают. Я юбку как-то себе купила, ничё так. А однажды наняла двоих дрова нарубить. Недорого взяли.

– Это вот не из табора экспонаты?

– Где?

Я кивнула в хвост очереди – она за нами протяжённостью своей уже превышала отрезок спереди. Две цыганки и парнишка-цыганёнок побоку с сумками и какой-то одежонкой, пере-

кинутой через вытянутые руки, обходили народ и интересовывали сельчан. Те заинтересовались – у цыганок уже собиралась кучка граждан, в основном женского пола. Разбивая песочную очередь, они тянулись к торговкам, чтобы поинтересоваться ценами и повертеть в руках шмотки. Вроде бы кто-то уже совершил первую покупку.

– Вот счастье народу привалило – и песок выбросили, и цыгане торговые нарисовались! – изрекла я саркастично.

– О, точно! – воскликнула Марина. – Держи очередь! – бросила она тут же и побежала разглядывать цыганский скарб.

Цыганёнок, на которого я поначалу почти не обратила внимания, выплыл вдруг из-за спин своих старших подруг и от других спин и плеч так же ловко освободился и направился напрямик ко мне, глядя пристально, ласково и улыбочиво. Я не то чтобы напряглась, но чуток удивилась. Не могла не отметить, впрочем, что был сей наглец симпатичен и взгляду приятен. Моих лет примерно. Невысок, да, на пару сантиметров меня повыше, но стройный такой и голубоглазый. Это, видать, у них редкость. Черноволосый, голубоглазый и черты лица правильные – ровные, изящные даже. Редкий человеческий образчик. Штучного изготовления.

– Лифчики, – вкрадчиво молвил он, – трусы, чулки. Всё есть, что твоей душеньке угодно.

– У моей душеньки повыше притязания, – процедила я сквозь зубы, отворачиваясь.

– Ты знаешь, что ты красивая? – спросил он, выдержав небольшую паузу. Видимо, вопрос был риторический. – Самая красивая девушка, что я видел. – Я не сдержалась – кинула на него взгляд, и вроде бы даже заинтересованный. Блин, нельзя так! – Честное слово. Сколько живу – никогда такой красавицы не видел. Аж жениться захотелось. Тебя как зовут?

Э-э, брось парниша! Знаем мы эти штучки. Что-что, а внешность у меня самая что ни на есть заурядная. Хотя, если свет правильно падает...

– Света, – ответила устало и гордо. – И я не танцую.

– А меня – Серёжа. Приятно познакомиться.

Надо же, он даже руку протянул. Что ты там этой рукой делал – у кобылы в заднице лазил? Или я слишком строга?

Пожала. Ладонь сухая, касание приятное. Ну ладно, один ноль в твою пользу.

– Серёга! Серёга! – закричали ему вдруг из толпы. Это цыганки. Кричали и махали руками. – Неси трусы сюда!

– Приходи к реке, – бросил он торопливо. – Знаешь, от моста чуть подальше типа пляж есть. У меня магнитофон хороший, «Модерн Токинг» на кассете. Посидим, послушаем. Ладно?

Счастье цыганское

Я никогда не буду старой, когда поёт цыганский хор...

Скатерть белая залита вином, все цыгане спят беспробудным сном...

Так вперёд за цыганской звездой кочевой!..

Была я как-то раз с матерью на концерте цыганского ансамбля. Вроде бы известный, из Москвы. Песни, пляски, азарт. Мне не понравилось. Мещанская пошлость.

Табором встали... Подумать только – семьдесят лет советской власти, а она всё не справится с бродяжничеством. И куда партийные работники смотрят?

Табор, гитары, кони. Ещё та романтика. Доля бездомная. Счастье цыганское.

А ещё они украли молодую молдаванку. Посадили на полянку, воспитали как цыганку...

Короче, с собой надо быть честной: симпатия есть, симпатия неожиданная, симпатия настораживающая – и я с ней борюсь. Пока успешно.

Серёжа... Блин!

Никуда не пойду, разумеется.

Так что там с мёртвым насильником?

Долго заснуть не могла. Так, о творчестве размышления нахлынули. О жизни.

Дед за стенкой поворочался ровно пять минут – стандартный промежуток – потом захрапел. Счастливый человек, чистая совесть. Мне бы так.

Он лишь под вечер вернулся. Выгрузил из сумки какое-то барахло – пассатижи, набор отвёрток, пакет с гвоздями и ещё один с саморезами. И ещё что-то, но уклоняюсь от пересказа, ибо заинтересована в его приобретениях в самой ничтожной степени, да и названия этим при-бамбасам не знаю.

Спросил, как дела. Узнав про опоздание, лишь поскрежетал пару секунд стиснутыми зубами, а над выброшенным в продажу песочком – ха, я так и думала! – посокрушался громко и даже с выражениями. Подумать только: могли приобрести десять кило, а взяли лишь пять. Горе горькое.

Интересно, он действительно за нас воевал в Великую Отечественную? Может, за владимировцев?

Часы тикают, шорохи какие-то в подполе. Да и с улицы звуки доносятся. Ветер у развесистого вяза, что растёт в трёх метрах от дома, ветви прополаскивает – несильно, но настойчиво. Вяз сердится – отдохнуть ночью хочется. А бывает – и человек пройдёт. Собака – это уж само собой. Не твякнув, не проскочит.

В городе тише. Ни часов с ходиками, ни шорохов. Стоит бетонная громадина и не пискнет. Воспоминаниями не наделена, а если и всплывают у какой – то сдерживается. Не то что эти капризные брёвнышки.

Что, мам? Что говоришь? Не родила меня, а в канаве нашла? Да ну, брось! Что за шуточки в неурочный час?!

В цветастую юбку была завернута? В цыганскую? Да быть того не может!

Господом Богом клянёшься???

Так значит... Значит, я цыганка?!

Ай да дела!.. То-то мне все говорили: Светланой звать, а сама темноволосая. И глаза индусские, с раскосинкой. Что же мне, в табор уходить?

Мама, ну нельзя же так, мама! А как мне тебя звать ещё!!! Думаешь, я вот так просто позабыть тебя должна, всю жизнь свою прошлую?! Эх, ну и гадина же ты редкостная, мачеха проклятущая!!! Кто просил тебя подбирать меня из той канавы, кто? Лучше б я сдохла там – не было б сейчас так невыносимо!

– Света! – меня держали за руку.

А я уйду, уйду в табор, будь спокойна! Плясать буду под бубен, обнажёнными плечами вертеть, юбку до груди задирать и песни вопить про участь тяжкую!

– Света!!! – затрясли меня сильнее, и я проснулась.

На кровати – Алёша. Хоть и темно, но я сразу узнала. Сидит на краешке и глядит пристально. Обеспокоено.

– Ты чего плачешь? Приснилось что?

Инстинктивно ладонями по глазам провела – мокрые. И вправду редела. Приснится же чушь какая! В канаве... В цыганской юбке...

– Ты как здесь?

Я огляделась. Нет ли кого ещё?

Не, один вроде.

– Да-а... – проямлил и головой повёл неопределённо. – В гости заглянул.

– Дверь-то закрыта. Или дед забыл?

– Не забыл.

– Ну вот.

– Я через стены могу.

– А-а-а...

Усмехнулся. Не так уж и темно вообще-то – с улицы свет доносится робкий. Луна.

– Покричать, что ли? Вы чего все на меня, как на медовую? Я вроде как исчерпывающе тебе всё объяснила.

– Нет, тобой овладели эмоции.

– Да что ты говоришь!

Он серьёзный такой. Смотрит грустно.

– Я же должен тебя добиваться, правильно? Что ты обо мне подумаешь, если я с полпинка отстану? Ладно во мне – во всех людях разочаруешься.

– Гладко стелешь. Для сведения: уже разочарована.

– Это не так. Ты замечательная. Чистая. Волшебная. Хочу, чтоб ты всегда такой оставалась.

– Подожди, подожди! Не гони лошадей, а то сердце из груди выскочит.

Он джентльмен – замолчал и в угол уставился. Я осмысливать услышанное не пыталась – не до того было.

– Я надеюсь, ты ложиться со мной не собираешься?

– Нет. Если не пригласишь.

– А вот знаешь – не приглашу! Тик-так. Время аудиенции окончено. Королева отбывает на покой. Дверь открывать не надо, так ведь? Через стену?

Он поднялся на ноги.

– Вот и молодец. Хороший мальчик.

– Ещё об одном с тобой поговорить хотел. Но раз...

– О чём это?

Он выдержал мхатовскую паузу. Эге, а в театральный, Алексей? А после армии, а на полном серьёзе?

– О том парне, что ты опознала. О насильнике.

– Что с ним не так?

– Да почти ничего... Только не участковый его грохнул. А цыгане.

Да что ты будешь делать с этими цыганами? Будет от них спасение, нет?

– Присаживайся, сокол! – великодушно указала ручкой.

В груди заурчало что-то – и не знаю, от возбуждения, от страха ли. И словно из-за горизонта зов раздался.

Алёша уселся на краешек кровати – как и минутой ранее. Через одеяло провёл ладонью по моей ноге. Я не отреагировала.

– Колись! – призвала.

Он вздохнул, подготавливаясь.

– Стрельбу я в лесу слышал. Как раз в тот день, когда труп нашли. Два выстрела. Потом цыган видел – на машине проехали мимо. Меня не видели, не волнуйся.

– Ха! Вот уж изволновалась – сил нет. Больно надо. Кто ты мне?

– А затем Кондаков туда выехал. Его «УАЗик». Ну, а после из райцентра криминалисты нарисовались.

– А, ну конечно! Преступление раскрыто... И как же ты рядом оказался?

– Так получилось. Шалаш у меня там. Время провожу. Ночую, бывает.

– Пресекаю, пресекаю... С милым рай и в шалаше. Тебе сколько лет, золотце, чтобы в лесу штабы строить? В войнушку не наигрался?

Алёша изобразил недоумение. Лёгкое.

– Он не для игр. О нём никто не знает. Я тебе первой рассказал... Да и вообще, причём тут это? Я о другом – не участковый стрелял.

Не верю! Константин Сергеевич Станиславский...

Э-эх, чёрт, а верю ведь! Вспоминаю, каким нервным участковый был на опознании – и верю.

– Нет, ты сам посуди, – всё же не сдавалась и пыталась быть рациональной. – Ну нафига ему это всё надо, цыган покрывать? С какой стати?

– Да мало ли. Мы же ничего не знаем. Вот и надо выяснить.

– Выяснить...

А заход его понравился. Жутко, блин, понравился. Выяснить...

– Странно это конечно, – рассуждал Алёша вслух. – Тем более если принимать в расчёт личность убитого. Но других объяснений быть не может – завалили его цыгане. А Кондаков покрывает. Они заодно. Вот только какая здесь мотивация?

– А что там с личностью убитого? Ты знал его что ли?

Он взглянул на меня пристальней и с сомнением каким-то.

– У-у, да ты не в курсе. Разве не знаешь, кто был твоим насильником?

Я выжидающе молчала.

– Если конечно был... Это Вовка Елизаров.

– Елизаров?!

Видимо воскликнула – и видимо громко. Потому как Алексей инстинктивно вытянул руку, как бы ротик мне прикрыть, а дед за стенкой резко скрипнул пружинами.

Минуту переждали. Дед опять захрапел. У меня в это время мелькнула мысль, что рано я, пожалуй, взбаламутилась. Вдруг не родственник того самого? Вдруг однофамилец.

Хотя в деревне все родственники.

– Он что, сын председателя?

– Угу. Плотником работал после армии. Прошлой осенью вернулся. Отец его пристроил на пока. В институт хотел подаваться. Нормальный парень, знаешь. Ни в каком насилии раньше не замечен. Не пойму, с чего это он вдруг решил на тебя напасть? И второй, говоришь, был? Кто же это – ума не приложу.

Лучшая атака – нападение. А то есть тут разные умники, которые продолговатыми извилинами шевелить любят...

– Твой ангелочек порвал мне всё внутри! Хочешь посмотреть?

– Извини... – буркнул Алёша.

Нет, не то. Заезженная пластинка. Меня не впечатлила его реакция. Надо разнообразить эмоционально-смысловую палитру. Надо брать откровенностью – а что? Тем более что у нас с Алексеем намечается интересное сотрудничество.

– Хорошо, откровенностью за откровенность, – говорю. – Дело в том, что ты тоже многого не знаешь. Дело в том, что я приехала в деревню не просто так. Дело в том, что моя мать зачала меня от одного из...

Внимай, человек, горькие истины мира. Внимай и проникайся моей скорбью. Разве сравнится она с твоей счастливой и бестолковой жизнью? Разве стоял ты у тех же шокирующих развилочек откровений, как стояла у них я? Да что ты знаешь вообще, глупышка, о жизни этой? Мальчик мой, мне боязно за тебя. Ведь откровения пришли и за тобой, ведь касаются они и твоего отца...

– Так что же получается, – смотрел он на меня внимательно, и отмечала я с досадой, что выражение его глаз увидеть ожидала иное, смятенное, а тут ирония. – Значит, я могу оказаться твоим братом?

– Ага, – ответила печально. – Как и убитый кем-то сын председателя.

Кино о запретной любви

Церковь, я в белом свадебном платье и фате, Алёша во фраке. «Венчается раба божия...»

– Да, – отвечаю тихо и застенчиво.

– Да, – а он уверенно.

Пьяный поп размашисто крестит нас и готовится объявить мужем и женой.

– Остановитесь! – раздаётся дерзкий крик. – Это богохульство! Это преступление кровосмесительства.

«В чём дело? В чём дело?» – шепчутся озадаченные гости.

– Им нельзя вступать в брак, – выходит на середину церкви человек. Он закутан в длинный плащ, а на голове у него просторный капюшон. Лица не видно. – Они брат и сестра.

«О господи!» – выдыхают разом гости.

– Нас раскрыли, – смотрю я на возлюбленного.

– Надо бежать, – отвечает Алёша.

Я киваю, а он выхватывает из-за пояса пистолет и производит выстрел в потолок. Толпа расступается, мы выбегаем наружу, вскакиваем на лошадей и уносимся вдаль по извилистой пыльной дороге.

Человек в чёрном выходит из церкви, смотрит нам вслед и тихо произносит:

– Вам не уйти от меня...

Интересно – кто же он?

Можно влюбляться

- Подожди! – остановила я Алёшу, прежде чем он ушёл через стену. Он же умеет. Дотянулась рукой до стоявшего на столе торшера. Нажала на кнопку. Свет неяркий, но зажмурилась – после темноты полоснуло по глазам.
- Что-то ещё? – остановился он, тоже прищурившись.
- Повернись спиной.
- Зачем? – вот сейчас действительно удивлён.
- Боишься?
- Да пожалуйста.
- Повернулся. Я выдержала паузу.
- Снимай штаны.
- Ты серьёзно? – спросил через плечо, чуть повернув голову.
- Э-э, а я-я. Демон ночи.
- Да мне не жалко, просто я не уверен, что ты правильно будешь это интерпретировать.
- Правильно буду. Делай, что говорю.
- Снял. Рывком.
- Ягодицы в целом обыкновенные. Костлявенькие. Но движение было возбуждающим. Внутри защемило.
- Родимого пятна нет.
- Всё? – спросил.
- Я кивком головы дала отбой.
- Это хорошо, что он не брат. Значит, можно влюбляться.
- Впрочем, я уже. Даже если бы и брат.

Девушка с колючими глазами

– Пусти меня! Пусти, козёл старый!

Голос женский. Доносился из сеней. Я мигом проснулась и переместилась в сидячее положение. Вопли не предвещали ничего хорошего. Почему-то сразу стало ясно, что они имеют ко мне самое непосредственное отношение.

– Уходи, Катя! – это дед. – Уходи, пока милицию не вызвал!

– Да не боюсь я твою милицию продажную! Всех вас Куркин купил, скоты. Все на него пашете.

– Только через мой труп, слышишь! Я не позволю девчонку ранить. Она и так пережила чёрти знает что.

– Пусти!!! Всё равно прорвусь! Всё равно ей глаза бесстыжие расцарапаю.

Последняя фраза донеслась глуше – видимо, деду удалось вытеснить незваную гостью из сеней за порог. Хлопнувшая дверь подтвердила догадку. Крики не прекратились, но разобрать слова стало труднее.

Я соскочила с кровати на пол и принялась торопливо одеваться. Вещиц немного – юбка да футболка.

– ВИА «Сябры», – зашептала, – «Ты – одна любовь». Апрельский ордена Ленина завод грампластинок.

– Гнида! Гнида она! – это снова входную дверь открыли. Дед временно уступил оборонительные позиции. Но тут же вернул – звонко шмякнула о косяк разбаловавшаяся дверь.

– Первая сторона, – футболка уже на мне, – «Есть на свете ты», затем «Глаза любимых», затем «Васильки во ржи», затем «Я сказал своей девушке» и последняя, заглавная – «Ты – одна любовь».

И юбка уж обхватила тугие бёдра. Вот ещё молнией шмыгнуть.

– Вторая сторона: «Для двоих», за ней «Высокие звёзды», потом «Не пугайте седых журавлей», потом «Разреши тебя любить» и самая последняя – «Девушка из полесья».

Накинула на ноги сандалики и выскочила в сени. Отворила дверь. На крыльце дед бодался с растрёпанной девушкой. У той красное, то ли от слёз и сильных эмоций, то ли от недавнего загара лицо и колючие неистовые глаза. Такие и пробуравить могут насквозь.

– По просьбам трудящихся, – объявила им, – исполняется песня композитора Олега Иванова на стихи поэта Анатолия Поперечного, он у нас в лидерах по популярности, «Девушка из полесья».

Они замолчали, разжали объятия и тревожно уставились на меня.

Я запела:

– Живё-о-о-от в белорусском полесье-э-э кудесница леса-а Оле-э-ся-а-а. Считает года-а по куку-ушке-э-э, встречает меня-а на опушке-э-э.

– И-и, все вместе! – крикнула. – Камон! Останься-а со мною-у-у Олеся-а, как сказка-а, как чудо-о, как песня-а-а-а...

Всё помню, всё контролирую. Аплодисментов не надо.

– Сучка гнусная! – опомнилась наконец деваха с колючими глазами. – Тварь! Зачем брата опорочила?! Не насильовал он тебя, не мог!

– Дамочка, сбавьте-ка децибелы. Вы не на стадионе «Маракана».

– Его убили из-за тебя, гнида! – завизжала Катя (Катя же, я правильно запомнила?) и ринулась ко мне с вытянутыми руками и раскрытыми ногтями. Те длинны и остры.

Я отступила на шаг, и движение оказалось бесполезным – несмотря на то, что дед отчаянно сдерживал эту бешеную фурию, сабли-ногти разрезали воздух в каких-то сантиметрах от лица.

– Убью тебя! – шипела девица.

– Вы чокнутая истеричка, – ставила я скорый, но верный диагноз. – К смерти вашего брата я не имею никакого отношения. Надеюсь, вы осознаете это однажды. Ступайте к чёртовой матери, сумасшедшая колхозница!

В это самое время у нашего дома остановился легковой автомобиль. «Жигули», модель не знаю, не разбираюсь. Но новенькая, блестит буквально. Заметив его, бешеная Катерина вдруг затихла, как-то смутилась даже и, насупившись, сошла с лестницы на травку.

Из машины вышел статный и симпатичный мужчина лет сорока, открытое лицо, усы, волевой взгляд, длинные рукава рубашки закатаны до локтей, интересный такой – и направился напрямик к нам.

– Здравствуйте, Никита Владимирович! – произнёс он, приблизившись, и протянул деду руку.

– Доброе утро, Саша, – ответил на рукопожатие дед.

– Здравствуй, Света, – кивнул дяденька и мне. Этак устало-доброжелательно.

Я уже просекла, кто передо мной.

– Здрасьте, – молвила язвительно.

– Ты на маму похожа, – улыбнулся он мне, но ещё более устало. – Такая же красивая.

– А на папу? – выдала я тотчас же.

– Может быть, не знаю. Домой поедем, а, Кать? – тут же переключился он на девушку.

– Да она же врёт, папа! – воскликнула Катерина. – Она же гнусная стерва, не смотри, что маленькая. Я знаю таких – они всё вокруг подчинить хотят. Они же все ради одноногого стараются, он подкупил их как-то. Вот проверь – так и будет.

Интересный мужчина, председатель колхоза Александр Геннадьевич Елизаров (верно угадала?) поморщился.

– Ну хватит! – бросил он дочери. – Ты тут ничего не докажешь, сцены устраивая. Девочка не виновата. Оставь её в покое.

– Вова не насиловал её, ты же знаешь! Он не мог!

Елизаров выразительно вздохнул – и я поняла это как выражение житейской мудрости: «Всё в этом мире возможно, доченька!» – схватил Катю за руку и потянул за собой.

– Пойдём!

Она не сопротивлялась.

Они добрались до машины, открыли двери.

– Пока, чокнутая! – крикнула я колючим Катиным глазам.

Все трое – включая деда – бросили на меня быстрые и осуждающие взгляды. Никто не произнёс ни слова.

Плеть и ярость

«Я ишу правды, господин мэ́р, – ответила Мария. – Всего лишь правды – и ничего более. Вы поможете мне?»

Мэ́р Лазарус не издал ни слова, лишь откинулся на спинку высокого, обитого тёмно-синей парчой кресла с деревянными головами псов на подлокотниках и негромко хлопнул в ладони. Тут же в комнате возникли двое быстрых слуг, молодые мулаты, которые стремительно задёрнули окна плотными тёмными шторами, зажгли на расставленных по просторной комнате подсвечниках покрытые копотью, наполовину использованные свечи, а затем, ни слова не говоря, схватили девушку и стремительно связали ей руки. Дар речи словно покинул Марию – от неожиданности она не могла произнести ни слова. Её подвели к мраморному столбу, что обнаружился в углу, заставили поднять связанные руки и закрепили их бечёвкой к крюку, торчавшему из столба.

Потом они сорвали с неё платье и нижнее бельё.

В следующее мгновение испуганная девушка почувствовала спиной стремительный и болезненный удар хлыстом. Вскрикнув, она обернулась и увидела полуголую девушку с пронзительным взглядом: коварно улыбаясь, та заносила хлыст для очередного удара.

Продолжавший восседать в кресле мэ́р вдруг громко засмеялся и непонятно чему зааплодировал.

– Птичка в клетке! – крикнул он сиплым, неприятным голосом. – Птичка распрощалась со свободой!

А затем добавил, уже мрачно:

– Покажи ей, что такое ад, дочка...»

Страна дураков

В Вешних Ключах концентрация слабоумных на квадратный метр превышает все допустимые пределы. Будем откровенны: Вешние Ключи – страна дураков.

Вот бредёт в магазин Серафима Саровская. На вид ей за пятьдесят, она босая и сосредоточенная. Длинные грязные волосы развеваются на ветру, а выражение её лица – добродушная брезгливость. Несмотря на жару она одета в пальто – на нём отсутствуют пуговицы, оно изъедено молью и разукрашено заплатами: словно от дуновений мороза Серафима нервно кутается в него, запахиваясь плотнее и ежеминутно поднимая измочаленный воротник из искусственного меха. Воротник тут же опускается в исходное положение. Никто не знает или просто оберегает меня от объяснений, почему её прозвали именно так. Впрочем, догадка имеется. Серафима набожна, она то и дело крестится. Местные жестокие шутники могли дать ей прозвище именно за это.

Дойдя до магазина, она заглядывает через дверь внутрь, затем, не переступая порог, отчаянно принохивается и бросает продавщице, тёте Ирине:

– Так и не привезли хека-то? Э-э-х, коммунисты!

Хека иногда привозят, но Серафима никогда не покупает его.

– Ну давай хлебушка тогда, – произносит она и на цыпочках бежит к прилавку, на ходу доставая из-за пазухи доисторический гуманок.

Иногда вместе с хлебом покупается крупа. Есть ведь надо что-то.

А вот ещё один колоритный дурак, Вася-Ворон. Ему лет шестьдесят или более. И здесь не вполне понятны мотивы, по которым его так поименовали. Гораздо более непонятны, чем в предыдущем случае. Я могла бы предположить, что его могли назвать так за иссиня-чёрный цвет волос или за производное от фамилии Воронов, но жиденькие его волосики скорее отливают ржавчиной, чем чернотой, а фамилия у него какая-то другая, точно не Воронов. Вася-Ворон необычайно приветлив: улыбаясь, он шатается по селу, заговаривая со всеми, кого встретит на пути. Понять его речь чрезвычайно трудно. Практически невозможно. Хотя я из вежливости и позволяла ему поначалу говорить с собой. Увы, смысл его несвязного бормотания от меня ускользал. В довершение всего Вася трясётся мелкой дрожью и производит впечатление человека, который через мгновение рухнет на землю и будет биться в судорогах. Сейчас я просто обхожу его. Недоумевающий Вася-Ворон бежит за мной какое-то время в надежде, что я сменю гнев на милость и побеседую с ним минутку.

Но я непреклонна. Я не желаю погружаться в сознание идиота.

А вот сидит на скамейке у собственного дома дядя Прохор. Непросто догадаться, что у него не всё в порядке с головой. На вид дядя Прохор – обыкновенный мужик под пятьдесят. Он даже работает где-то. Дядя Прохор держит в руке кулёк с семечками и не спеша грызёт их, пытливым взглядом оглядывая улицу, проезжающие по ней изредка машины и проходящих людей. Он кивает землякам в ответ на их приветствия, «Да, нормально, нормально» – отвечает на вопрос о том, как у него дела, смеётся на шутки, хмурится на собственные мысли и многозначительно кивает головой, создавая очень убедительную физиономию заинтересованного и неглупого человека.

Но в один прекрасный момент дядя Прохор с перекошенным лицом и яростным воплем вскакивает со своей скамейки, хватая валяющийся в метре от него дрын – я не говорила, что у него припасён поблизости хороший такой, внушительных размеров дрын? – и начинает носиться с ним по двору, нанося со всей дури удары по одному ему виденным существам. Судя по всему, существа издеваются над бедным Прохором, нагло смеются над ним и обзывают

его нецензурными словами. Набегавшийся, уставший, взмыленный дядя Прохор падает прямо в дорожную пыль и, плача, в отчаянии молотит по земле руками.

– Да за что же вы со мной так, за что?! – бросает он в пустоту негодующий вопрос. – Я давно на всё согласился, перестаньте надо мной издеваться!

Многие склонны объяснять столь неадекватное поведение нормального с виду мужика тем, что от Прохора ушла жена (укутила в Ташкент с другим мужчиной), а до этого утонула дочь – но я почему-то склонна не согласиться с этой трактовкой. Слишком она удобна. В слишком выгодном свете выставляет его. Я убеждена, что причинно-следственная связь здесь ровно обратная: жена бросила его именно из-за ненормальности, да и дочь погибла поэтому – не досмотрел он за ней или сознательно бросилась она в воду, не желая терпеть его выходки. Согласитесь, мало кто после подобных жизненных передраг будет хранить у скамейки дрын, а по ночам забирать его с собой в дом. Тут надо, чтобы шарики закатились за ролики.

По улице Нижней, где живёт дядя Прохор, я с недавних пор предпочитаю не ходить. Пусть дорога до библиотеки по ней короче, она как раз на Нижней и располагается, но лучше я сделаю крюк, чем столкнусь с ним лицом к лицу.

И это только самые яркие из местных чудиков. Можно перечислить ещё не меньше дюжины с самыми разнообразными прибабасами. Алёша тот же... (Улыбаюсь про себя).

Плохой генофонд – вот всему объяснение. Селу пятьсот с лишним лет и все друг другу родственники. Перекос пошёл от неразбавленной крови. Не исключено, что и меня чаша сия не миновала. Начну вот в один прекрасный момент за призраками с ножом гоняться.

Но пока-то я совершенно нормальная, не так ли?

Здравствуй, доченька!

– Как? – искренне недоумевала я. – У вас нет ничего из Шопенгауэра?

Библиотекарша, звать её Людмилой Тарасовной, вместо того, чтобы признаться в упущении и прилюдно покаяться, предпочитала идти в наступление.

– А почему это у нас должно быть что-то из Шопенгауэра, этого философа упадничества? Этого чуждого нам мыслителя?

Тем самым она ненароком подчёркивала, что имеет о Шопенгауэре весьма определённое впечатление. То есть читала о нём в какой-то статье. Сельская интеллигенция крепка.

– Помилуйте, ну где же там упадничество?! Он просто трезво смотрит на человечество и не позволяет себе вязнуть в иллюзиях. Ваш взгляд на этого певца иррационализма чрезвычайно узок и несовременен.

– Позвольте не согласиться с вами, – не сдавалась Людмила Тарасовна и мне в общем-то нравилась её манера общаться со мной на «вы». Ещё бы тон не столь саркастичный. – Философия, как и любая другая наука, должна возвышать, а не укладывать в гроб и заколачивать крышку гвоздями.

– Слушая вас, я понимаю, что работы Кьеркегора в этой библиотеке тоже не найти...

– Ещё раз, пожалуйста, фамилию.

– Кьер-ке-гор. Сёрен Обю. Датский философ.

– Ах, Кьеркегор! Как же, как же!.. Наслышаны и о нём. Нет, его тоже нет. Пока что могу предложить Мамардашвили. Помнится, у нас пылилась где-то книжка с его лекциями.

– О-о, нет! Только не Мамардашвили! Он слишком правилен и скучен. Давайте-ка остановимся на Владиславе Крапивине.

– Одобряю ваш выбор. Что вам, «Тень каравеллы», «Алые перья стрел», «Трое с площади Карронад»?

– А «Острова и капитаны» имеются?

– О да! – воскликнула Людмила Тарасовна. – Последнее поступление, ещё никто не открывал. Но она на дом не выдаётся, – уколола она всё же, – только в читальном.

– Меня устраивает, – вздохнула я притворно, потому что именно о паре спокойных часов в читальном и мечтала.

Получив новенький том Крапивина, я переместилась в соседнюю комнатёнку, которая служила в этой обители знаний читальным залом. Как ни удивительно, два из четырёх столов оказались заняты. За одним – пацанчик, за другим – девчушка с косичкой. Младшая школота. И это летом. Дети, что из вас только вырастит?!

Чтение – одно из немногих удовольствий этой быстротечной жизни. В пакете бутерброд и бутылка лимонада, в руках увлекательная книга, а впереди несколько волнительных часов путешествий по мирам фантазии. Только фантазия примиряет с унылыми реалиями жизни...

Когда я оторвалась, настенные часы, которые красовались прямо передо мной, показывали начало третьего. Значит, прошло больше трёх часов. Ух ты! Вот бы и мне сочинять так же: чтобы читатели забывали о времени и окружающей действительности.

Школота испарилась, зато я почувствовала, что за мной наблюдают. Откуда? Поблизости никого. Или...

Я присмотрелась к полуоткрытой двери и поняла, что за ней кто-то стоит. Просто потому, что дверь в таком полуоткрытом состоянии не застынет – либо приоткроется побольше, либо закроется плотнее. Я не первый раз в читальном зале, я знаю. За ней кто-то стоял и поддерживал её. Я обратила внимание, что щель между дверью и косяком была темна. Лишь в верхней

части, обрамляя силуэт разглядывавшего меня человека, пробивался свет. Да, он определённо пялился на меня.

– Людмила Тарасовна, ау! – позвала я библиотекаршу.

Дверь тотчас же колыхнулась, но моментально застыла – едва заметно подрагивая. Человек отчаянно пытался успокоить её и свои дрогнувшие руки. Да мы волнуемся, вон оно как...

– Уважаемый! – пошла я ва-банк. – Вы не помните, как в одной из пьес Шекспира, а именно в «Гамлете», подслушивающего человека закололи кинжалом? Вы желаете себе ту же участь?

Томительная пауза незримой пружиной сжалась в помещении. Я чувствовала: человек пребывает в смятении.

– Мне очень неловко, – раздался из-за двери мужской голос с хрипотцой. – Поверь мне, девочка, я не имел в виду ничего дурного. Если б ты знала, что заставляет меня так вести себя, ты бы сразу же меня простила.

– Ну так покажитесь. Быть может, и прощать вас не придётся.

Дверь снова пришла в движение. Сначала она прикрылась, потом распахнулась во всю ширь. За ней оказался рыхлый полноватый мужчина с довольно длинными «а-ля Битлз» и несколько всколоченными волосами, с печальной синевой под глазами и странно-взволнованным взглядом. Приняв на себя как тот самый удар клинком мой беглый, но пытливый взгляд, он сжал кулаки, решительно мотнул головой, словно собираясь совершить Поступок, затем взглянул на меня ещё более тревожно и наконец рухнул на колени – чтобы суетливо и нелепо поползти к моему столу.

– Mamочка! – выдохнула я.

Упёршись в край стола грудью, рыхлый мужчина остановился и, глядя на меня совершенно по-щенячьи, выдал:

– Здравствуй, доченька!

Ну нет, господин Весельчак У, я вам не Алиса Селезнёва и кричать в ответ «Здравствуй, папочка!» не собираюсь.

– Здравствуй, папочка! – вопреки самой себе осознала я вырывающийся из груди возглас.

Выходка эта так меня развеселила, что я засмеялась в голос и торопливо уткнулась лицом в ладони. Вот так однажды подпишу себе смертный приговор – просто ради прикола и чувства противоречия.

– А я знал, – чувственно зашептал дяденька, и я заметила, что глаза его заблестели от выступившей в мгновение ока влаги, – я знал, что ты сразу же признаешь во мне отца.

– Ошибаетесь, мужчина! – я всё ещё давилась смехом. – Я признала в вас лишь очередного обитателя страны дураков. Ваше прозвище – Санчо Пансо Ключинский?

– Ты не представляешь, Светочка, – он словно не замечал моего сарказма, – как долго я желал встретиться с тобой. Я рассылал запросы по всей огромной советской стране, чтобы выяснить твоё местонахождение. Я даже объездил близлежащие области, обращаясь в местные партийные органы с просьбой посодействовать в поисках. Ничего. Ты представляешь, я ничего не добился! Они презрительно и высокомерно прятали мои бумаги под сукно.

– Дед прекрасно знал, где мы живём. Да мать ни от кого и не скрывала, куда уехала. Вся деревня знала. И я приезжала сюда три года назад. Что-то не сходятся у вас концы с концами, гражданин хороший.

– Я не знал! Честно-пречестно, я не знал об этом! Верь мне, доченька!

– Так, – сделала я серьёзное выражение лица, – давайте-ка не будем торопиться с выводами. Представьтесь для начала. Имя, фамилия, должность, политические взгляды. Прошу отвечать кратко, не растекаясь словесами по древу. Начали!

В это мгновение в дверях показалась Людмила Тарасовна. Всплеснув руками, она бросилась к рыхлому мужчине и торопливо принялась поднимать его на ноги.

– Егор Валерьевич, что вы! – бормотала она укоризненно. – Разве можно так? Возьмите себя в руки!

Кряхтя и всхлипывая, мужчина позволил переместить себя в вертикальное положение.

– Это дочка моя, Люд! – бормотал он не то в оправдание своему поведению, не то просто от наплыва эмоций. – Ты не представляешь, как это волнительно – встретить взрослую дочь. Я же искал её! Да, по всем городам искал.

Библиотекарша, взяв мужчину за бочок, торопливо старалась вывести его из читального зала.

– Стоп, я ещё не закончила! – воскликнула я. – Фамилия как ваша, любезный?

– Светочка, вы бы не дразнили его, а? – жалостливо посмотрела на меня Людмила Тарасовна. – Это директор школы, Пахомов его фамилия. Он и раньше был со странностями, а в последнее время и вовсе с ума сошёл.

Алёшин отец! Вот так ну!

– Люда, ну что за чушь ты несёшь! – сморщился Пахомов. – С ума... Я адекватнее, чем кто бы то ни был. Просто я расчувствовался, я дал волю эмоциям. Имею право, в конце концов, потому что не каждый день встречаешь после долгой разлуки родную дочь. Кровинушку родную... Ты знаешь, сын это не то. Я не чувствую с ним духовной близости. Я вообще не уверен, что он мне родной. Ты же знаешь, моя Ирина гуляла тогда направо и налево. И я тоже пытался ей мстить, да! Отвечать той же монетой. Но встретил настоящую любовь в лице матери вот этого божественного создания. Пусть у нас тогда не сложилось, пусть мы не поняли друг друга, но чувства проверяются временем. И ты знаешь, сейчас я понимаю, что по-настоящему любил её. И эта девушка – она доказательство нашей любви. Посмотри на неё – она прекрасна! Разве может быть так красив ребёнок, рождённый без любви? Нет, Людочка, не может! Она – моя!

– Света, ступайте домой, – гладила Пахомова по плечу Людмила Тарасовна. – Книгу берите с собой, я разрешаю. Вы хорошая девушка, вы её не порвёте. Не обращайтесь, пожалуйста, внимания на этого дяденьку. Просто он в последнее время стал заниматься не своими делами, с кооператорами зачем-то связался, а это ведь не его, какой из тебя коммерсант, правда? – кивнула она директору и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Вот и мечется с совестью не в ладах. Времена такие, мутные времена. Нет бы тихо отсидеться в сторонке. С достоинством, с самоуважением. Нет, лезут некоторые на рожон. А потом места себе не находят.

– Да что за ерунду ты говоришь? – проскрипел Пахомов. – Куркин здесь не при чём, я ему уже всё объяснил. Никакого склада он от меня не получит. Школьные помещения созданы не для этого. Я даже деньги ему вернул! Тяжело было – но я смог. Он же скользкий, колючий, но я смог – всё вернул до копейки. Это не то. Просто я о жизни задумываюсь в последнее время. О сути её. А тут – дочь! Ты знаешь, что за чувства, что за кружение эмоций!.. Люда, ты не суди меня, пожалуйста! Я же люблю тебя...

– Хорошо, Егорушка, хорошо, – продолжала гладить его библиотекарша. Она обвила директора обеими руками и принялась целовать в шею. – Только сдерживай себя, сдерживай.

– У моего отца, – объявила я, приподнимаясь, – должно иметься родимое пятно на правой ягодице. Отдалённо напоминающее бабочку. Потому что у меня такое же. Оно перешло ко мне по наследству. Товарищ Пахомов, говорите прямо: у вас имеется родимое пятно?

Директор и библиотекарша взглянули друг на друга с изумлением, словно ненормальными здесь были не они, а я.

– Нет, – жалостливо покачала головой Людмила Тарасовна. – Нет у него никаких пятен.

Воображаемое письмо матери

Дорогая мама!

Ты редкостная блядь и дура.

Как можно встречаться одновременно с тремя мужиками и каждому давать? Ну как, скажи мне на милость?

Ладно бы ещё они были твоими ровесниками, неженатыми интересными парнями. Но у них уже имелись дети! У двоих, по крайней мере. Они, едва оформив законные отношения со своими женщинами, едва народив на свет детей, убегали от жён к тебе, чтобы, уткнувшись в твою промежность, спрятаться от белого света и собственных страхов перед будущей жизнью. И ты для всех находила утешение, лишая себя тем самым последних крупниц гордости, которая даётся человеку не просто так, а с целью уберечь его от опрометчивых поступков и унижений.

Я знаю, я прекрасно знаю, что ты ответишь на эти упреки. Я так и слышу эти набившие оскомину слова о творческой натуре, которой всегда необходим выход во что-то большее. Я слышу эти воспалённые бормотания о свободной любви, которая есть суть жизни и одна-единственная правит во вселенной, о том огне, что полыхал в твоей груди в те годы и продолжает гореть до сих пор. Так вот знай: я до чёртиков устала от этих нелепых объяснений, с которыми ты чрезвычайно умело уходишь от ответственности за жизнь своего ребёнка и свою собственную жизнь.

Почему, скажи мне на милость, я должна нести на себе проклятия твоей юности? Почему я должна выступать в роли этакой бастардки, неизвестно от кого рождённой, появившейся на свет по ошибке?

Ах, не было никаких проклятий! Ах, на кой мне сдался этот отец! Я понятия не имею, на кой он мне сдался, но я хочу знать, как его зовут и как он выглядит. Ты знаешь своего отца? Вот и я хочу знать своего! Просто чтобы успокоиться. Пусть я не буду с ним общаться – и даже скорей всего так – но я хочу заполнить пустующую нишу в своей душе, как бы громко и нелепо это ни звучало.

Ну почему ты не могла родить меня от какого-нибудь знаменитого режиссёра, чтобы я не занималась сейчас этими глупыми поисками и гарантированно могла поступить во ВГИК? Пусть бы он не жил с нами, пусть бы я встречалась с ним раз в неделю или даже раз в год, но чрезвычайно важное место, поверь мне, не пустовало бы ныне в душе моей.

Мама, я не хочу между нами вражды и непонимания. Несмотря на то, что ты похотливая дура, я продолжаю тебя любить и непременно выбью для тебя роль в фильме Феллини, когда тот возьмётся за экранизацию моего романа.

Купальник пригодился

А дни-то чудесные стоят!

Теплынь, солнышко во всей красе и ни малейшего намёка на дожди. Нечастая радость для средней полосы. Бывает, как зарядит мокротой – и весь июнь насмарку. В прошлом году, помнится, и июль захватило. Только в августе на пару недель тепло установилось – а потом снова полило.

Нынче лето знатное. Красота!

Вот уж не рассчитывала на благосклонность природы, и купальник захватила чисто автоматически. Благо места он много не занимает. Он такой ярко-оранжевый, аппетитный, специально такой хотела, а нигде не было. Мать знакомой в Москву заказывала – вот едва-едва успели привезти за неделю до отбытия в деревню.

Валентина Смородинова, артисточка из мамкиного театра, дала ей как-то на пару дней французский журнал с коллекцией бикини. Я сразу оранжевый отметила. Там не такой был, правда, с колечками по бокам, мой-то без, но это не суть важно – главное цвет. В оранжевом темноволосая модель – на меня похожа – такой загорелой, такой вкусной выглядела. Ни один другой цвет похожего эффекта не давал.

К солнцу я критически отношусь. В том плане, что злоупотреблять им не следует. В этом году ещё ни разу не загорала. И не купалась. Но раз погоды такие ласковые стоят – надо попробовать чуток.

Эх, и для кого только стараешься, купальники приобретая? Всё равно никто не оценит. Спокойно, Светлана, спокойно! Для себя – понятно?!

Встреча у реки

– Пришла всё-таки? – цыганёнок лыбился во всю ширь своего довольно симпатичного рта. – А я так и знал. Четвёртый день здесь сижу. Другой бы разозлился и обиделся, но только не я. Потому что знал – придёшь.

Всё, как он и обещал. Типа пляж у моста и магнитофон – не вижу отсюда марки. «Модерн Токинг» прилагается. Ладно хоть, что один. Держит слово. А то я целую ватагу ожидала.

Не из-за этого ли такая взволнованная?

– «Модерн Токинг», – молвила, переходя по мосту на другой берег. В руке дамская сумочка – белая с цветными инкрустированными стекляшками, пойдёт для шестнадцатилетней – белая майка в обтяжку, юбка цветастая. – «Поговорим о любви». Ленинградский завод грампластинок. Сторона один: «Любимая», «Немного любви», «Бурные воды», «Ты – моё сердце, ты – моя душа», «Как ангел».

– Точно! – радостно кивнул Серёжа. – Но я пластинки не слушаю. Негде. На мафике музон гоняю.

Купальник – в сумочке. Думала сразу надеть, но как потом в мокром возвращаться?

– Сторона два: «Небеса будут знать», «Любовь здесь больше не живёт», «Почему именно сегодня?», «Не падай духом», «Тебе повезёт, если ты очень захочешь». Слова и музыка Дитера Болена. Помню всё.

– Аплодирую стоя!

Серёжа протянул мне руку и помог сойти с моста на землю. Он загорелый как чёрт, в одних трусах.

– По просьбам трудящихся, – улыбнулась я невольно, – исполняется дискотечный супер-хит «Ты – моё сердце, ты – моя душа». Ёмай ха-а-а-ат, – запела, – ёмай со-о-о-оул...

А она как раз и звучала из цыганского магнитофона «Весна» – вот сейчас уже видно название.

– Айл кип он шайнин, – подхватил цыганёнок, – эвриуэ-э-э юго-о-оу.

Как-то сами собой мы взяли за руки и совершили несколько круговых движений, Серёжа приобнял меня, взял на бедро – и прогнул мой гибкий стан в изящном па, что обычно венчает зажигательное танго. Я почувствовала, как кончики моих волос скользнули по грунту. Голова закружилась.

Он милый.

– Вода тёплая? – спросила, выпрямившись и оправляясь.

– Как парное молоко.

– Отвернись, я переоденусь.

Он отвернулся и не подглядывал.

– Уау! – издал эмоционально и ситуационно правильный возглас, когда я позволила обернуться. – Вот это купальничек! Бесподобно выглядишь!

– Спасибо, – скромно ответствовала я.

Ради таких моментов и стоит приобретать оранжевые купальники. Глупая и пошлая правда жизни. Я рождена для мужского внимания и восхищения!

Вода по первому прикосновению оказалась вовсе не такой уж тёплой, но зайдя в реку по грудь – это здесь максимальная глубина – а потом и окунувшись, я согрелась. Сергей вёл себя галантно, под меня не заныривал и трусы стягивать не пытался. Мы поиграли в догонялки полуспущенным резиновым мячом, выуженным им откуда-то – и маялся чаще всего он. Это не случайное замечание, потому что я играю в школьной гандбольной команде и в марте этого

года она даже стала чемпионом города в своём возрасте. От моего снаряда не укроешься ни над водой, ни под ней.

У предусмотрительного цыгана нашлось что-то вроде простыни. Грязноватая и рваная, но я в позу не вставала, потому что лучше загорать на такой, чем на голом песке. Серёжа улёгся рядом, простыни себе не требовал.

– Как дела в таборе? – поинтересовалась у него.

– Да как обычно, – пожал он плечами. – Мужики работу ищут. До сентября точно здесь простои́м. Может, и больше.

– Ну и как, находят?

– Да, есть кое-что. У Куркина вот.

Он аккуратно и робко, одними кончиками пальцев поглаживал меня по спине. Ниже не опускался, поэтому я как бы не возражала. По крайней мере вслух.

– Это что за Куркин такой? – проявила наивный интерес.

– Да кооператор местный. Хваткий мужик. Но наши довольны вроде – нормально платит.

– А в колхозе что, нет работы?

– В колхозе председатель гнилой. Зуб на нас заимел. Работы не даёт и прогнать грозитя. Только фиг ему, нет у него такой власти.

– Слушай-ка, а я слышала тут историю одну. Якобы цыгане убили того парня, который... Ну, слышал наверное про это. Не менты, а цыгане.

– Да ну, чушь, – сморщился Сергей. – На фиг нам это надо!

Я посмотрела на него внимательнее, стараясь разглядеть в глазах мутные тени притворства, но негодование его выглядело вполне искренним. Либо не в курсе, либо действительно не цыгане.

Да ведь Алёша врать тоже не будет.

– Ты это, – бормотнул он мне типа сочувствующе, – не парься насчёт того случая. В жизни всякое бывает. Иногда и лечь под кого-то приходится против своей воли. Ты мне по любому нравишься.

– Я в тебе и не сомневалась, – отозвалась я благодушно, заставляя его полюбить себя за своё великодушие ещё больше.

Человек – существо управляемое. Им можно крутить и вертеть во все стороны. Внедрять в него любые иллюзии и представления о мире. Мужские особи управляются совсем просто. Для них двух кнопок достаточно – вкл и выкл.

– Дочь у председателя знаешь? – перевела разговор на другую тему. Хотя по сути на ту же самую, взгляд с другого угла.

– Как её, Катерина? Ну, видел.

– Нравится тебе?

– Да ничего особенного, – Серёжа придвинулся максимально плотно. – Ты симпатичнее. Гладили мою спину уже не пальчики, а целая ладонь.

Ба, да ведь это и не спина вовсе, а ягодица! Та самая, на которой бабочка.

– Остановись, юноша! – приподнявшись, я схватила его за руку. Из себя не выходила, действовала спокойно. – Я тебе ещё ничего не позволяла.

– А когда позволишь? – задышал он сладострастно в лицо.

– Когда испытание пройдёшь? Готов?

– Всегда готов! – и он салют отдал.

Я окинула его критическим взглядом. Так того ситуация требовала. В театральных пьесах всегда вслед за серией фраз следует пауза. Это для того, чтобы герои, а вслед за ними и зрители, родили друг о друге новую грань понимания. Мне в цыганёнке давно всё понятно, а вот ему новую грань моего понимания его типа неоднозначной сущности родить не помешает.

– Да ведь ты девственник, Серёженька! – скривилась я в невольной (как бы) усмешке. – До сих пор писюна дрессируешь, а?

– Фильтруй базар, подруга! – эге, он взаправду из себя выходит. – Я столько девок драл, что тебе и не снилось.

– А мне девки и не снятся, – скалилась я.

Он смутился на мгновение. Но тут же попытался взять себя в руки.

– Да чего я перед тобой оправдываюсь тут. Девок было дохренищи – и мне плевать, веришь ты в это или нет. Только мой маленький друг знает все наши тайны.

Ну а что, молодец! Нравится мне такой ироничный ответ. Для пацана ведь хуже нет ситуации, если его в девственности заподозрят – и не важно, было ли у него чего-нибудь на самом деле или нет. Они по определению трахари-домушники высочайшей квалификации и производительности.

– Да ладно, расслабься! – стукнула я его по плечу. – Я прикалываюсь. Просто мне мальчики не нравятся. Мужчин люблю.

Он и вправду расслабился.

– Ну а Катьку завалить сможешь? – стрельнула вопросом.

– Чтобы на самом деле?

– Ну а как же?

– А тебе зачем?

– Гордая она слишком. Из себя вся. Не люблю таких. Наверняка целочка в свои двадцать с гаком, а гонора – ой-ёй-ёй.

– Ну а что мне за это будет?

– Всё будет.

– Всё-всё?

– Всё. Слово дала – слово держу.

Он многообещающе ухмыльнулся. Словно уже представил меня голой и на четвереньках. Фантазия – это здорово. Люблю мужчин с фантазией.

– Да запросто, – процедил сквозь зубы.

– Вот и лады. Только ещё одно поручение будет. Лёгкое. Обрати внимание на её задницу – нет ли на ней родимых пятен. Это же не сложно будет сделать, правда?

– Даже боюсь спрашивать, для чего тебе её родимые пятна. Уж не для того ли, чтобы сравнить со своим собственным?

Блин, а он не так глуп, как кажется! Это плохо, потому что я в умных быстро влюбляюсь. В коварных – ещё быстрее. И рассмотреть как-то успел. Неужели оранжевый цвет просвечивает? Или там при первом же прикосновении всё оголяется и сверкает?

– Может быть. Но ты не торопись с выводами. А то запутаешься в собственных догадках. Думай о сладком. То есть обо мне.

Христианскому богу здесь не место

«– Вам плохо? – спросил её индеец по-английски.

Он был статен и симпатичен. Мария исподлобья разглядывала его, гарцующего перед ней на крепком рыжем коне, и к своему удивлению отмечала в краснокожем одну положительную черту за другой. Почти не выступают скулы – эти растягивающие лицо бугры, что так характерны для представителей его расы, всегда раздражали её. Открытый взгляд широких глаз, что делало выражение лица внимательным и приятным. О, эти индейские щёлочки вместо глаз, они встречаются у аборигенов сплошь и рядом – за ними не разглядеть ни личности, ни её намерений. Только скрытность и недоверие. Этот же смотрел тепло и по-доброму. Даже волосы были уложены у него в косу как-то более естественно и изящно, чем у остальных, отчего он не казался чем-то пугающе средним между мужчиной и уродливой бабой.

– Нет-нет, – отозвалась Мария, – я просто притомилась. Сегодня очень жарко.

– Позвольте подвести вас до города, – предложил он помощь.

Сонм тяжких терзаний тут же пронёсся в её голове. Появиться в городе с индейцем? Простят ли ей такое?

– Хорошо, – ответила она. – Но прошу вас ссадить меня, едва в поле зрения попадут очертания городских построек. Местные жители чрезвычайно косны и могут истолковать наше совместное появление совсем не так, как следует.

– Вы правы, – согласился он. – Им предстоит долгий путь к тому, чтобы называться людьми.

В дороге совершенно неожиданно для Марии они разговорились. Она узнала, что её спутника зовут на его родном языке Тот, Кто Хранит Силу В Ладонях, а английскому языку он научился ещё ребёнком в миссионерской миссии, которую открыл недалеко от их селения преподобный Иезекиль Дэвидсон. Он предпочитал называть юного индейца Чарли.

– Он приобщал вас к христианской вере? – поинтересовалась Мария. – Рассказывал вам о боге?

– О да, – ответил симпатичный индеец со странной улыбкой. – Именно это он и пытался сделать.

– Так вы впустили в сердце нашего Спасителя? – сидя у разведённых в стороны крепких индейских ног, трясаясь на крупе его резвой, но послушной лошади, заглядывая новому знакомому в глаза, с непонятной ей самой надеждой спросила его Мария. – Вы уверовали в Иисуса?

Индеец натянул поводья и остановил лошадь.

– Нет, преподобный не сумел довести дело до конца. В один прекрасный день мои братья закололи его ножами. Я принимал в этом участие. Христианскому богу не место в наших прериях... Слезайте! Городские постройки уже видны».

Равнодушный Создатель

От образа бога меня воротит. Я советский ребёнок и ничего не могу с этим поделать. Полуголый Иисус не мой идеал, пусть он и очень трогательно повисел на кресте. История его страданий – сплошное лукавство. Я читала Библию и знаю, что говорю. С литературной точки зрения эта книга оставляет желать лучшего. В ней много неубедительных и откровенно непродуманных моментов. Что такое смерть Христа? История одной большой подставы, им же организованной. Он использовал своих несчастных учеников для трагического финального аккорда. Он вызывает больше подозрений, чем сострадания.

Бородатый, рыхлый и благочинный бог-отец – не менее странный персонаж. Единственное, в чём можно быть уверенным: человечество создано по его образу и подобию. Но не им. Он слишком ленив и бестолков. Его талантов от силы хватило бы на рыб и ящериц. Надо же, что за обидчивое существо: люди время от времени перестают его чтить, и он насыляет на них разрушения и несчастья. В этом сразу видится прокол придумавших его манипуляторов. Жестоким образ бога был им необходим, чтобы держать человеческое стадо в подчинении. Настоящему богу всё равно, почитают его или нет. Он никогда не станет опускаться до таких мелочей, он созидает не ради ответной реакции. Мнение собственных созданий о нём самом не может его интересовать. Он просто лепит вслед за безумными дуновениями своих фантазий, и результат интересует его мало. И уж тем более переживания слепленных им существ – что они для него? Все эти миллиарды одинаковых ничтожеств? Его увлекает лишь момент творчества, а не практичность получаемых созданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.